

Глава 98.

«Добрый вечер, Рэйн», - раздался из-за меня голос Милы, с вершины моей плохо вырытой ямы. Вглядываясь в ее счастливую улыбку, я сопротивляюсь желанию вскочить и затащить ее в эту яму, внутренне боясь ее следующих слов. «Что ты там делаешь?».

Остановившись, я медленно вздохнул, не в силах заставить ее расспросить меня.

«Я копаю уборную ложкой, потому что мне нельзя доверять что-либо более серьезное». Ответ сухой и хорошо отрепетированный к настоящему времени, говорил сотни, если не тысячи раз, в течение последних двух недель. Это был дерьмовый месяц, но, по крайней мере, он почти закончился, с завтрашнего дня начинается новый месяц бесконечных дерьмовых возможностей.

«О, я вижу, у тебя есть новая ложка, твоя старая сломалась?». Да, дважды, и она это знает. В первый раз ручка сломалась, я был распущен Аканьай за то, что не заботился о моем «выпущенном оборудовании», отправив меня копать только с ложкой.

Не потрудившись ответить, зная, что это будет только ее дразнить, я продолжаю копать, по одной ложке за один раз, вырывая еще одну уборную полтора метра глубиной, три метра длиной и шестьдесят сантиметров шириной. Мила приходит, чтобы шутить каждый раз, когда ей нужно использовать уборные, что на удивление часто, что-то, что мне действительно не нужно было знать. Она продолжает смотреть, как я копаю. «О, я узнаю эту ложку, она сделана из красного сандалового дерева. Раньше это была нога стула, но папа случайно сломал ее однажды ночью, мама была в ярости. Чтобы справиться с этим, папа взял сломанные останки и вырезал целый набор столовых приборов для мамы. Будь осторожен, она имеет сентиментальную ценность, поэтому мама будет очень расстроена, если ты сломаешь ее ».

Не веря своим глазам, я надеюсь, что Мила лжет, но все, что я вижу, это ее зубастая улыбка без намека на обман. Почему Аканьай дала мне такую ценную ложку? Она ищет другую причину, чтобы сердиться на меня? Осторожно возвращаясь к работе, я тщательно вычищаю грязь на стенах, я стараюсь не ломать ложку, беспокоясь о том, что может случиться со мной, если случится худшее.

Вздох меня не покидает, я ударяюсь головой о неровные стены. Глупо, должно быть, это смотрелось. Между усталостью, ужасным запахом, моим исцелением и болью я нахожусь на грани и готов назвать это потенциальным увольнением, что, по-моему, и есть то, чего хочет Аканьай. Я стал стражем, потому что мне нравилась идея помогать и защищать людей. Этот мир засасывает, он полон ужасных гребаных людей, которые почти заставляют монстров казаться терпимыми. Я даже не могу поделиться информацией, которая повысит уровень жизни, это так удручает.

К счастью, Мила оставляет меня одного, позволяя мне успокоиться. Другие стражи пришли и задали мне тот же вопрос, я отвечаю на каждый из них одинаково, получая те же самые глупые смешки и ухмылки. Меня это действительно не волнует, кроме того факта, что это беспокоит Альсаньсет.

После нескольких часов бессмысленного патрулирования, Аканьай возвращается и осматривает мою работу. машет мне рукой, не говоря ни слова. Не для моей пользы, нет, я привык к запаху, но мой запах «расстраивал всех».

Погружаясь в себя, я рассеянно борюсь с легким течением, чтобы удержаться от дрейфа, мое тело отдыхает в прохладной чистой воде. Пот и грязь смываются с моего тела, освежая мой

разум и очищая мои мысли.

Время, проведенное во время душа - практически все свободное время, которое я могу получить в последнее время, побыть одному и без компании, мне этого очень не хватает. Одиночество сильно недооценено, иногда вам просто нужно побыть одному, заглушить весь внешний мир и просто не думать ни о чем. К сожалению, мое время ограничено, поэтому я начинаю снимать свою одежду, что намного легче теперь, когда у меня есть 1.25 руки, мое исцеление почти завершено. Кажется, я потерял значительное количество мышечной массы.

Я возвращаюсь в лагерь и устраиваюсь у огня, спокойно медитирую, чтобы исправить мои незначительные травмы. Может быть, я простужусь, но мне хочется остаться наедине и снять скопившееся напряжение.

Ужин - простая трапеза в лагере, наполнение живота и питание, но мало что еще, так как даже Альсаньсет не может обработать свою кулинарную магию доступными ингредиентами. Закончив с едой, я уезжаю и направляюсь на поляну, где ждет мое следующее задание. Остальные уже там, Токта тихо сидит в стороне, в то время как все семь солдат-поверенных-стражей терпеливо ждут своего последнего урока, который будет точно таким же, как и остальные. Когда я вхожу в зал, меня встречает шквал не слишком дружелюбных взглядов. Я не могу винить их за то, что они меня ненавидят, поскольку я нечаянно заставил их выбрать между смертью и рабством, простое извинение не может меня спасти. Хотя Мила уверяла меня, что это была не клятва, я все еще чувствую, как свою вину, ведь я не сплю ночами, временами сожалея.

Пропуская приветствия, я начинаю свой урок без каких-либо фанфар. «Хорошо, начните медитировать, сосредоточьтесь на крови внутри и вокруг своей травмы, и постарайтесь, чтобы ваше тело создало панацею в этой общей области. Это просто вопрос контроля и руководства, как всегда. Есть новые вопросы». Акцент в том, что они задавали одни и те же вопросы, снова и снова, но по большей части мне не хватало ответов. Это все, что я знаю, просто делай это.

Двигаясь, чтобы присесть рядом с Токтой, я нахожу равновесие и продолжаю регенерировать руку, пока он наблюдает, его присутствие вызывает раздражение, я совершенствуюсь, как муха, которая гудит вокруг головы, когда ты пытаешься сосредоточиться, невозможно это игнорировать. Моя неспособность учить солдат - это больше жизнь, навязанная мне, но зная, что Аканьай поможет им, независимо от моей неудачи, у меня очень мало мотивации работать больше, не говоря уже о том, что я действительно не знаю, как научить их лучше. Это легко для меня, с небольшим умственным вниманием, и ни у кого из них недостаточно опыта, поэтому врать зубы было бы бесполезно. Опять же, это не помогло Токте, и это сделало его менее дружелюбным ко мне, полным мрака и меланхолии.

Бесчеловечный крик разрушает мою концентрацию, я вступаю в бой, бросаясь к Равилю прямо за Токтой, мы оба быстро соображаем, чтобы оценить ситуацию. Лысый, темнокожий слепой человек начинает рвать на себе повязки, бредя от боли, когда Токта хватается за запястья, пока я лежу на его ногах, двое из нас пытаются не дать ему слишком много бороться и ранить себя. «Прекрати кричать, поговори со мной». Спокойный, скучный голос Токты прорезает шум, контролируя и не беспокоясь, но Равиль продолжает кричать и заикаться, не в силах говорить связно. «Вы двое, держите его руки крепко, чтобы я мог быстро его проверить». Когда Пран и Салук пришли на его место, Токта разглядывает повязку и быстро смотрит в пустые гнезда, проверяя на опухолевые рост или хуже, вероятно, также осматривая его, и я задерживаю дыхание в ожидании, молясь о хороших новостях. Мне нужна победа сейчас.

Проходят долгие секунды, Токта делает свою работу, успокаивает Равиля и задает вопросы, у

его ног сердце бьется в ушах, затмевая все его бормотавшие ответы. Наконец, Токта предлагает нам оставить его, и я встаю и отстраняюсь, спрашивая: «Так? Что не так?».

«Ничего, насколько я могу судить. Кажется, что твои уроки, наконец, принесли свои плоды, его глаза начали заживать». Несмотря на хорошие новости, Токта нахмурился, изучая больного Равиля, который сидит, положив руки на лоб, качаясь взад-вперед.

«Я предполагаю, что это действительно нетрадиционный метод исцеления, и ничего общего с вашим пробуждением».

Мой крошечный фрагмент гордости быстро растворяется в раздражении. «Это был вариант? Что я не смогу никого научить, потому что это связано с каким-то божественным вдохновением? Когда ты собирался сказать мне этот маленький кусочек информации?».

Задумавшись, Токта просто рассеянно пожимает плечами, отвечая. «Мы думали, что тебе лучше попробовать, мы бы не позволили тебе тратить слишком много времени на это. Помни, ты был тем, кто хотел учить других, хотя я был довольно голоден к знаниям. Это хорошая новость, хотя, если кто-то может изучить твой метод, тогда мы должны найти более эффективный метод обучения как можно скорее». Он продолжает стоять на своем месте, погруженный в свои мысли и игнорируя мои вопросы о пробуждении.

Я понятия не имею, как это работает, и на данный момент, я боюсь спросить. Что, если это просто еще одна неудача? Вот почему никто не удосуживается ответить мне, потому что они щадят мои чувства? Предполагается, что у меня есть некоторые врожденные знания о манипуляциях энергией, но ничего не изменилось. Я могу оттачивать и направлять, как всегда, но я не добился реального прогресса в освещении и усилении. Бросаясь от ярости, я иду к Равилю, который все еще пытается справиться с новыми мучительными ощущениями. «Эй, у меня есть несколько инструкций, которые нужно соблюдать, теперь, когда началось твое исцеление».

При звуке моего голоса, его голова трескается, он бросается ко мне, удерживая на месте Пран и Салук. Оба выглядят как потрепанные бандиты. После непродолжительной борьбы Равиль наконец успокаивает себя, чтобы поговорить, но у него нет ничего, чтобы сказать мне. «Трахни свою бабушку, ты лежишь мешком дерьма, чувствуешь, что под моими веками горят угли. Но теперь вам нужно экспериментировать и над нами?». Он плюет на меня, я уклоняюсь.

«Боль означает, что процесс заживления начался, поэтому делай все, что ты делаешь, чем быстрее ты работаешь, тем скорее заканчивается боль. Попытайся начать сейчас, вспомни ощущение перед началом боли».

Мои инструкции завершены, я возвращаюсь на свое место, сажусь продолжать свое исцеление, игнорируя взгляды вокруг меня и отбиваясь от депрессии. То, что должно было быть успехом, не улучшило мое настроение. Я был прав, я держу в секрете, что может убить всех. Я просто уйду из стражей и больше не вернусь. Я могу построить себе крохотную хижину на окраине, а может быть, жить немного дальше, как на скале, выходящей на деревню.

Остальная часть урока оборачивается без происшествий, я возвращаюсь в свою палатку. Быстрая проверка «Другого меня» показывает, что ничего не изменилось, я закрываю глаза и жду сладкого забвения.

Мила осторожно вошла в палатку мамы, с радостным объявлением о своем входе. «Привет, мама, мы нашли каштаны и жарили их, я думаю, тебе понравится, съешь пока они еще горячие».

«О?». Улыбка мамы, казалось, прозрела сквозь нее, она помахала Миле, вытащила некоторые документы со своего стола, чтобы освободить место.

«Мама, я просто подумала, что мы можем поболтать». Черт возьми, временами казалось, что она умеет читать мысли, это было странно.

Пытаясь найти тему, Мила просто отказалась от всякой притворства, перейдя сразу к делу. «Хорошо, ты была права. Сколько еще продолжится наказание?».

Мама не спеша отвечала, наслаждаясь каштанами, позволяя Миле потеть в тишине. Хотя она знала все трюки своей мамы, это делало их не менее эффективными. Наконец, мама вздохнула и покачала головой, наклоняясь вперед, чтобы говорить тихо. «ДРэйн является для меня чем-то вроде головолмки, вызывая небольшую головную боль. Я не знаю, как с ним обращаться, будь он хоть кем, я хотела бы, чтобы он бился за неповиновение, но я дала обещание, что я не сломаюсь. Что мне еще делать?».

«Я не знаю, мама, но ты не можешь вечно заставлять его копать, это делает его таким мрачным. Он не улыбался несколько дней, хотя я часто бываю у него и стараюсь подбодрить его».

«У него не было плохих намерений, он просто хотел помочь».

«Ты думаешь, что я несправедлива, дочь? Он сознательно предал прямой приказ, даже принимая боль, чтобы скрыть свои действия с уловкой, хотя и непродуманной. Он знал, что он сделал неправильно, даже если он не знал, почему. Что бы случилось, если бы вы его не обнаружили?».

Покачивая головой, Мила изо всех сил старалась казаться подавленной. Если бы здесь был только папа, она могла бы пойти к нему, он мог бы убедить маму. «Нечестно, это просто ... ты держишь кинжал над головой, не позволяя этому кончиться. Я уверена, что он понял урок сейчас, мама, я буду следить за ним с самого начала, обещаю».

Вздохнув еще раз, мама съела каштаны, размышляя, Мила размахивала ногами в кресле, не в силах остановиться. Один за другим, каштаны исчезали, за каждым следовал крошечный глоток вина. Медленно покачивая головой, мама спросила: «Чему он научился? Это ценность честности и послушания, или что ему нужно быть более осторожным, скрывая свои намерения?». Качая головой, она продолжила: «Его наказание было слишком легким, чтобы быть уверенной. Сначала я подумала, что он должен связать или казнить этих солдат, но если он откажется, у меня не останется выбора, кроме трости. Пока что он должен продолжать копать, пока я не найду подходящего наказания ».

Мила соскользнула со стула и обошла вокруг стола, чтобы обнять маму. Пока она не добивалась желаемого результата, мама не раздумывала над этим вопросом, и Мила не могла ошибиться в своем решении, поскольку в этот раз Рейн зашел слишком далеко.

«Генерал-лейтенант, старший капитан здесь, чтобы отчитаться» - раздавался из-за лоскута палатки голос Альсаньсет, она появилась почти сразу, надежды Милы повысились. Может быть, она была здесь, чтобы поговорить с мамой о Рэйне.

Матушка виртуозно подумала, вздохнув еще раз. «Я думала, ты тоже хочешь поговорить о Рэйне?».

«Нет, генерал-лейтенант, мальчик допустил грубую ошибку, и у меня нет ничего, кроме

благодарности за вашу снисходительность». Голос Альсаньсет был тщательно нейтрален по этому вопросу, на ее лице не было никаких признаков обмана. «Разведчик прибыл с двумя сообщениями, обозначенными как срочные».

После короткого прочтения двух свитков мама скомкала их в кулак, с глухим стуком бросив на стол. «Проклятье, это ожидалось и случилось».

«В чем дело?». Мила всмотрелась в пустую бумажку, пытаясь расшифровать ее содержимое.

«Приказ от маршала. Военное положение отменено, мы должны спешить с возвращением к Шен Ху. Вместе с тем это письмо от дисциплинарного корпуса, требующее присутствия Альсаньсет и пяти молодых людей. Они должны встретиться на мосту, чтобы их судебное разбирательство могло состояться ».

Страх настиг Милу. С мрачной улыбкой и успокаивающим похлопыванием по спине Мама откинулась на своем месте, выглядя покорной. «Ну, из этого вышла хорошая новость, маленькая Мила: Рэйну больше не нужно рыть уборные, мы разобьем лагерь на рассвете». Двигаясь за канцелярскими принадлежностями, Мила быстро отодвинулась, чтобы помочь, пока мама начала писать сообщения.

Будь то сражаться или бежать, Мила не знала, но любой выбор означал, что впереди их ждут сложные испытания. Не имея ничего другого, Мила тихо помолилась за безопасность тех, кого она любила, чтобы все безопасно вернулись домой.

<http://tl.rulate.ru/book/591/86917>